

ЛАСКОВЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

ЧУЖЖАК
В
ЛЕДЯНОЙ
ЗЕМЛЕ

Ласковый Звездочёт

Чужак в ледяной земле. Книга 1

«Автор»

2026

Звездочёт Л.

Чужак в ледяной земле. Книга 1 / Л. Звездочёт — «Автор», 2026

Он (бывший старший офицер разведки) очнулся голым в снегу, среди ледяной пустоши, волков и чужого неба. Без оружия, без языка, без прошлого тела — но с памятью человека, который умел выживать там, где другие погибали. Север, 3200 год до нашей эры. Здесь нет законов, государств и милосердия. Есть холод, голод, кровь, огонь и право сильного. Для людей Арка он — чужак, принесённый зимой. Для Морха — угроза, ломающая привычный порядок. Для Саи — человек, рядом с которым мир начинает меняться. Чтобы выжить, ему мало найти место у огня. Ему придётся остановить волков, пройти через кровь, разрушенную стоянку, войну родов и древний страх перед Камнем Волка. А главное — доказать, что сила бывает не только в ударе, но и в умении собрать врагов в один круг. Но за ледяными лесами уже движется новая опасность. Люди Юга несут металл, долги, заложников и власть другого мира. И если Север хочет выжить, чужаку придётся стать тем, за кем пойдут.

© Звездочёт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Боль"	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ласковый Звездочёт

Чужак в ледяной земле. Книга 1

Глава 1 "Боль"

Боль ударила сразу — глухо, изнутри, как после сильного удара.
Но хуже был холод.
Он не обжигал. Он вытягивал из тела жизнь.
Я попытался вдохнуть — воздух резанул лёгкие, заставил закашляться. Снег под щекой хрустнул. В рот попала ледяная крупа.
Значит, не сон.
Где-то в темноте протянулся вой.
Низкий. Чужой.
Не волк.
Или не только волк.
— Встать.
Мысль пришла резко, как команда.
Я попытался опереться на руки — не получилось. Пальцы не слушались, ладони проваливались в рыхлый снег. Со второго раза удалось.
Снег был глубокий. Вязкий. Тяжёлый.
Холод уже добрался до суставов.
Если лежать — замёрзну.
Если не замёрзну — найдут.
Я подтянул колено, упёрся, выпрямился. Мир качнулся, зрение на секунду сузилось в тёмную трубу, но я удержался.
Стою.
Ветер ударил в лицо, сразу забив дыхание. Он не дул — он давил, толкал, пытался сбить обратно в снег.
Я огляделся.
Темнота. Белая, живая. Снег кружил в воздухе, будто кто-то гонял его по кругу. Видимость — несколько шагов, не больше.
Гольй.
Босой.
Без защиты. Без оружия. Без ориентиров.
Вой повторился. Уже ближе.
Я сжал зубы.
— Думай.
Голос внутри был короткий, жёсткий. Знакомый.
Сначала — не умереть от холода.
Потом — укрытие.
Потом — оружие.
И только потом вопросы.
Я сделал первый шаг. Нога провалилась почти по колено.
Значит, быстро не уйти.
Второй шаг дался хуже. Снег вязал ноги, тянул вниз, забивался между пальцами. Через несколько метров дыхание сбилось.
Паника толкала вперёд: беги.

Я заставил себя остановиться.

Бег по такому снегу — смерть. Стоя не обязана догонять сразу. Ей достаточно ждать, пока я сам отдам силы.

Я присел, провёл рукой по снегу. Под рыхлым слоем чувствовалась плотная основа.

Не болото.

Не вода под настом.

Просто занос.

Я посмотрел назад. Следы тянулись ломаной цепочкой тёмных провалов, но ветер уже смазывал края, засыпал их свежим снегом.

След держался секунды.

Если звери идут глазами — шанс есть.

Если носом — хуже.

Я поднял голову. Ветер бил с одной стороны, ровно и постоянно. Плохой ориентир, но другого не было.

Я развернулся так, чтобы порывы били в левую щёку, и двинулся.

Шаг — вдох.

Шаг — выдох.

Считать проще, чем бояться.

Раз.

Два.

Три.

Но мысль всё равно вернулась.

Где я?

Не просто «не дома». Не просто «не там».

Место было чужим на уровне ощущений. Не только холодом. Не только ветром.

Тишиной.

Такой тишины не бывает там, откуда я пришёл. Без далёкого гула, без техники, без человеческого присутствия.

И запах.

Я остановился, втянул воздух.

Снег.

Камень.

Холод.

Ни дыма, ни бензина, ни гари.

И что-то ещё.

Смола?

Дерево.

Лес.

Я повернул голову, всматриваясь в белую мглу. Сначала ничего. Потом — тёмная полоса между порывами.

Стволы.

Редкие, искривлённые, но стволы.

Значит, укрытие.

Значит, ветки.

Значит, шанс не умереть в ближайшие минуты.

Я ускорился — не потому что мог, а потому что расстояние до деревьев стало критичным. Упасть сейчас означало умереть в метели, не дойдя нескольких метров.

Не побежал.

Бежать было нельзя.

Просто заставил себя идти быстрее. Нужно было дойти до деревьев живым, а не упасть в снег в десяти шагах от них.

Деревья вынырнули из метели неожиданно. Низкие, скрученные ветром, с толстыми ветвями, на которых налип снег.

Я ввалился под первую крону, прислонился спиной к стволу.

Ветер здесь был слабее.

Не намного.

Но достаточно, чтобы вдох стал глубже.

Я закрыл глаза на секунду.

Ошибка.

Усталость накатила сразу. Тело захотело сесть. Только на минуту. Только отдышаться.

Я резко открыл глаза.

— Не сейчас.

Сон — это смерть.

Я оттолкнулся от ствола и пошёл глубже в лес. Здесь снег был плотнее. Под ногами попадались корни, камни, выступы. Идти стало легче.

Зверям тоже будет труднее.

На открытом месте они могли брать скоростью. Между деревьями скорость уже не решала всё.

Вой раздался снова.

Ближе.

Теперь голосов было несколько. Они расходились, сходились, перекликались.

Стая.

Я остановился и прислушался.

Они шли не быстро, но уверенно. Не метались. Держали направление.

Метель мешала им.

Но не останавливала.

Я огляделся.

Деревья редкие. Укрыться толком негде. Если выйдут прямо на меня — конец. Если побегу без плана — дождутся, пока упаду.

Нужно преимущество.

Любое.

Впереди склон уходил вверх между деревьями. Небольшой подъём, занесённый снегом.

Не крепость.

Но высота.

Я полез вверх. Ноги скользили, снег осыпался, пальцы на ногах почти не чувствовались. Через несколько метров я оказался выше.

Отсюда было видно больше.

Их всё ещё не видно.

Но слышно.

Если подойдут снизу — я замечу раньше.

Если прыгнут — им придётся прыгать вверх.

Если я сорву первый бросок — появится секунда.

Иногда секунды хватает.

Я присел, провёл рукой по снегу. Под рыхлым слоем пальцы наткнулись на ледяную корку.

Гладкую.

Твёрдую.

Хорошо.

Я начал работать руками. Разгреб снег в одном месте, открывая плотную поверхность. Пальцы немели, кожа саднила, но слой оказался не слишком глубоким.

Площадка вышла маленькая. Примерно метр на метр.

Для меня.

Не для них.

На корке я смогу поставить ноги твёрже. Не провалиться в момент удара. Не потерять равновесие первым.

Потом я набросал рыхлый снег по краям, не выравнивая, а наоборот — оставляя перепады. Где-то глубже, где-то мельче. В темноте этого не увидеть.

Не ловушка.

Слишком грубо. Слишком быстро.

Но зверь, который идёт медленно, заметит. Зверь, который ускорится перед прыжком, может ошибиться.

Мне не нужно убить.

Мне нужна секунда.

Под ближайшим деревом лежала сухая ветка. Кривая, с утолщением на конце. Плохое оружие. Лёгкое. Хрупкое.

Но лучше, чем голые руки.

Я обломал тонкие сучки, положил ветку у правой ноги и вернулся на площадку.

Вой стал громче.

Пять голосов.

Шесть.

Может, больше.

Я согнул колени, проверил вес.

Сколько.

Но предсказуемо.

Рыхлый снег решает за тебя.

Здесь решать буду я.

Тени появились внезапно.

Сначала одна скользнула между стволами. Потом ещё. Низкие, быстрые. Глаза сначала не видны, потом — блеск.

Они остановились на границе видимости.

Чуют.

Я замер.

Один сделал шаг вперёд.

Осторожно.

Проверяя.

Он был похож на волка. Но слишком низкий. Слишком длинный. Плечи ходили под кожей неправильно, будто силы там было больше, чем должно быть.

Они не бросаются сразу.

Значит, можно играть.

Я чуть сместился.

Минимальное движение. Достаточное, чтобы показать слабость.

Зверь заметил.

Ещё шаг.

Ещё.

Потом ускорился.

Значит — прыжок.

Значит — точка удара уже выбрана.

Я резко ушёл на полшага в сторону, не назад. Зверь прыгнул туда, где я был. Передние лапы попали на край очищенной корки, задние — в глубокий рыхлый снег.

Тело дёрнулось.

Лапы скользнули.

Он потерял линию прыжка.

Секунда.

Я подхватил ветку и ударил всем корпусом сверху вниз — в морду, в шею, куда попал.

Глухой удар.

Хрип.

Зверь отлетел в сторону.

Не убил.

И не надо.

Второй прыгнул почти сразу.

Я успел отшатнуться, но он задел плечо. Удар был тяжёлый, сбивающий. Я упал на одно колено.

Плохо.

Очень плохо.

На колене человек ниже зверя.

Я откатился в сторону и ткнул веткой вперёд на уровне морды.

Не бить.

Держать дистанцию.

Зверь дёрнулся, ушёл от острого конца, зарычал.

Они уже не проверяли.

Они распределялись.

Двое впереди.

Один слева.

Остальные исчезли между деревьями.

Вот и всё.

Если останусь — зайдут сзади.

Если побегу вниз — догонят.

Если полезу вверх — завязну.

Я поднялся, чувствуя, как плечо горит болью.

Боль — хорошо.

Значит, кожа не разорвана до кости.

Пока.

Я отступил ещё на шаг, стараясь держать их перед собой.

Круг сжимался.

Я резко развернулся и бросился в сторону, туда, где стволы стояли плотнее.

Не вверх.

Не вниз.

Поперёк склона.

Это был не бег от стаи.

Это был рывок, чтобы не дать им замкнуть круг.

Снег снова потянул вниз, но теперь адреналин перекрывал усталость. Позади треснули ветки.

Они пошли за мной.

Я не оборачивался.

Оборачиваться — терять шаг.

Раз.

Два.

Три.

Не падать.

Лес сгущался. Ветки цеплялись за плечи, хлестали по лицу. Я не уходил по прямой. Прямая — подарок тому, кто быстрее. Я ломал линию вокруг стволов, через кусты, между камнями.

Если они идут по запаху — не поможет.

Если по глазам и свежему следу — в метели даст шанс.

Дыхание рвалось. Лёгкие горели. Ноги переставали слушаться.

Впереди показалась тёмная масса.

Не дерево.

Камень.

Я ускорился, насколько мог, и врезался плечом в скалу. Невысокую, занесённую снегом. Под выступом темнела узкая щель.

Ниша.

Я нырнул внутрь, втянул ноги под себя и прижался к холодному камню.

Тесно.

Плохо для меня.

Хорошо против зверя.

Сюда нельзя прыгнуть. Сюда можно только лезть мордой вперёд.

Я выставил ветку к входу и замер.

Снаружи прошёл один силуэт.

Потом второй.

Снег шуршал под лапами.

Кто-то остановился совсем рядом.

Я не дышал.

Вой раздался резко, зло, почти над ухом.

Потом дальше.

Ещё дальше.

Они потеряли прямой бросок.

Но не меня.

Я медленно выдохнул.

Рано радоваться.

Пальцы побелели. Руки почти не чувствовались. Тело дрожало уже не от страха — от холода. Дрожь шла глубоко, изнутри.

Если останусь без движения — умру.

Если выйду сразу — могут ждать.

Задача изменилась.

Не убежать.

Пережить до серого света.

Я осмотрел нишу. Скальный выступ нависал низко, образуя тёмный карман. Пол каменный, местами засыпанный снегом. Внутри можно было сидеть, если поджать ноги.

Плохо.

Но лучше, чем открытый лес.

Огонь без инструмента, сухого трута и времени — мечта.

Значит, сначала укрытие.

Я начал выгребать снег из глубины ниши и складывать его снаружи невысоким валом, чтобы ветер не бил прямо внутрь. Снег рассыпался, но если трамбовать руками и коленями — держался.

Потом наломал веток с ближайших деревьев. Живые гнулись и били по рукам. Сухие ломались легче, ближе к стволам.

Ветки пошли на пол.

Слой вышел тонкий, но он отделял тело от камня.

Работа согрела.

Ненадолго.

Но достаточно, чтобы не лечь и не закрыть глаза.

Я нашёл палку тяжелее прежней, обломал сучки, оставив один выступ у конца, и сел в нише лицом к входу.

Теперь можно думать.

Я заставил себя перечислить факты.

Север. Зима или поздняя осень. Снег глубокий. Ветер сильный.

Тело чужое. Молодое. Слишком выносливое для человека, который должен был уже замёрзнуть.

Без одежды. Без оружия. Без языка.

Рядом лес, камень, хищники.

Где есть хищники — есть добыча.

Где есть добыча — могут быть люди.

Люди мне нужны.

Люди опаснее зверей.

Я посмотрел на руки. На плечи. На грудь.

Не моё тело.

Мысль пришла спокойно. Без истерики. Просто факт.

Не та кожа. Не тот шрам под рёбрами. Не тот сломанный палец. Не та сила в мышцах.

Я провёл ладонью по лицу.

Скулы.

Нос.

Челюсть.

Чужое.

Вот теперь стало холоднее.

Не снаружи.

Внутри.

Я зажал эту мысль, как зажимают кровоточащую рану.

Потом.

Всё потом.

Сначала — жить.

Снаружи хрустнул снег.

Я застыл.

Палка легла в ладонь сама.

Ещё хруст.

Не ветер.

Кто-то шёл.

Медленно.

Я сместился глубже в нишу, чтобы силуэт не читался на фоне снега. Конец палки выставил к входу.

Тень появилась справа.

Низкая.

Один.

Зверь остановился у моего следа, втянул воздух, потом повернул голову к нише.

Почувствовал.
Он сделал шаг.
Потом ещё.
Вход был узким.
Хорошо.
Прыгнуть не сможет. Придётся лезть мордой вперёд.
Я медленно поднял палку.
Зверь зарычал.
Я показал зубы.
Не знаю зачем. Инстинкт или память этого тела.
Зверь замер.
Секунда.
Две.
Он бросился.
Я ударил не сверху — сверху в тесном проёме палка застряла бы. Я ткнул вперёд всем корпусом.
Конец палки попал в морду.
Зверь взвизгнул, дёрнулся назад.
Я выскочил следом и ударил ещё раз — по голове, по шее, куда попал.
Он отскочил.
Я шагнул вперёд.
Ещё.
Это было опасно.
Но оставаться добычей — опаснее.
— Пошёл.
Голос вышел хриплым, чужим.
Зверь попятился.
Я сделал вид, что бросаюсь.
Он сорвался и исчез между деревьями.
Я остался стоять с палкой в руках.
Победа.
Маленькая. Грязная. Без гарантий.
Но она дала время.
Рассвет пришёл медленно.
Сначала снег стал серым. Потом деревья обрели глубину. Потом где-то высоко за облаками появилась бледная полоса света.
Метель ослабла.
Я выбрался наружу.
Лес был редкий, северный. Низкие хвойные деревья, камни, кустарник. Местность шла волнами: подъёмы, провалы, скальные выходы.
Никаких дорог.
Никаких проводов.
Никаких следов современности.
Я дошёл до места первой схватки.
Снег там был истоптан. На одном участке темнело пятно.
Кровь.
Не моя.
Крови мало. Значит, не убил. Только ранил.
Раненый зверь может вернуться.

Или привести остальных.

Я взял новую ветку — длиннее, тяжелее — и только потом заметил след.

Не волчий.

Человеческий.

Старый, почти занесённый. Не мой. Ступня обута во что-то мягкое, без современного протектора. Просто овальный отпечаток в снегу.

Один.

Второй.

Третий.

Следы шли поперёк склона.

Я присел ниже.

Человек был здесь до меня.

Или во время.

Вопрос — видел ли он меня?

Лес уходил вниз, к тёмной линии между деревьями. Низина. В низине может быть вода. У воды — люди.

Нужно идти.

Не потому что люди безопасны.

Потому что без людей я умру.

Я двинулся вдоль следов, но не по ним. Параллельно, в стороне. Если кто-то возвращается тем же путём, я не должен выйти ему прямо в лицо.

Каждые двадцать шагов я останавливался и слушал.

Лес жил.

Тихо, но жил. Где-то стучала ветка. Где-то осыпался снег. Один раз в стороне мелькнула птица.

Животные есть.

Значит, еда есть.

Но до еды ещё нужно дожить.

Через некоторое время следы стали чётче. Ветер здесь был слабее, деревья плотнее. В одном месте снег был разгребён, под ним лежали щепки.

Кто-то срезал ветку.

Инструментом.

Не камнем наспех. Срез был неровный, но направленный.

Значит, у людей есть ножи.

Хорошо — у них есть огонь, одежда, укрытие.

Плохо — у них есть оружие.

Ступни почти не чувствовались. Я остановился у дерева и растёр их руками. Боль вернулась не сразу. Потом резко, как огонь.

Боль — значит, ещё не поздно.

Следы вывели к ручью.

Чёрная лента воды между снегом и камнями. Местами лёд, местами открытая вода. На другом берегу отпечатков было больше. Люди ходили здесь часто. Видны были две смазанные полосы — сани или волокуша.

Поселение рядом.

Я втянул воздух.

Дым.

Едва заметный.

Но настоящий.

Где дым — там огонь.

Где огонь — шанс.

Я перешёл выше по течению, по выступающим камням. Одна ступня сорвалась, вода брызнула на кожу. Холод ударил так, что в глазах потемнело.

Мокрая нога зимой — приговор.

Если быстро не найти тепло.

Я ускорился.

Следы теперь можно было не искать. Они шли к поселению прямо, но я не пошёл по ним.

Поднялся на небольшой гребень сбоку и пополз.

Голый человек с палкой на снегу — зрелище дикое.

Лучше пусть меня увидят позже.

И с расстояния.

С вершины гребня я увидел дым.

Потом крыши.

Не крыши даже — низкие тёмные формы, припорошенные снегом. Полуземлянки или хижины, врезанные в склон. Пять. Может, шесть. Между ними вытоптанная площадка. На краю — стойки с подвешенными шкурами. Дальше — куча костей, занесённая снегом.

Люди.

Настоящие.

Не реконструкторы.

Не кино.

На площадке появилась женщина в меховой одежде. За ней выбежал ребёнок, закутанный так, что видно было только лицо. Он поскользнулся, засмеялся. Женщина резко сказала что-то.

Я не понял ни слова.

Язык.

Конечно.

Контакт будет без слов.

Плохо.

На другой стороне площадки мужчина чинил ремень или сеть. Рядом лежало копьё. Длинное древко, каменный или костяной наконечник.

Ещё один мужчина вышел из хижины, посмотрел на небо.

Охотники.

Родовая группа. Зима. Ресурсы ограничены.

Чужак для них — риск.

Я посмотрел на себя.

Голый. Обмороженный. Раненый. С палкой вместо оружия.

Меня могут пожалеть.

Могут убить.

Ставка на жалость — плохая стратегия.

Но других почти нет.

Я отполз назад, сел за гребнем и заставил себя думать.

Выйти с поднятыми руками — копьё в грудь.

Подкрасться и украсть шкуру — смерть сразу или позже.

Наблюдать до ночи — замёрзну раньше.

Остаётся одно: стать полезным до того, как они решат, что я опасен.

Полезным чем?

Знания без языка — ноль.

Сила в моём состоянии — сомнительно.

Предупреждение?

Я замер.
Волки.
Если стая идёт по моему следу, она выйдет к поселению.
Вдали протянулся вой.
Люди внизу тоже слышали.
Женщина схватила ребёнка и подтолкнула к входу. Мужчина поднялся, взял копьё. Второй крикнул что-то в сторону хижин.
Напряжение пошло по поселению мгновенно.
Они знают эту угрозу.
Стая идёт.
И я привёл её сюда.
Я сжал палку.
Отличное начало.
Голый чужак с волками на хвосте.
Но в этом был шанс.
Если помогу — меня не убьют сразу.
Если помешаю — убьют точно.
Я поднял палку над головой обеими руками. Медленно. Потом вышел на открытое место.
Крик разорвал воздух почти сразу.
Женский.
Потом мужской.
Копьё повернулось в мою сторону.
Я остановился.
Расстояние — метров сорок. Для копья далеко. Для стрелы — если есть лук — достаточно.
Луков я не видел.
Я поднял руки выше, положил палку на снег перед собой и отступил на шаг.
Показываю: оружия не держу.
Мужчины закричали. Слов я не понял, но интонацию понял.
Стоять.
Не подходить.
Я подчинился.
Потом указал за спину, в сторону леса. Показал на уши. Потом изобразил пасть рукой.
Вой повторился.
Ближе.
Теперь они смотрели не только на меня.
Из хижин вышли ещё люди. Быстро. Организованно. Женщины затаскивали детей внутрь. Мужчины брали копья, дубины, каменный топор.
Старик с седыми прядями в волосах вышел последним.
Он смотрел не испуганно.
Оценивающе.
Вот этот — главный.
Или тот, кого слушают.
Я медленно опустился на одно колено.
Не покорность.
Снижение угрозы.
Молодой мужчина с тяжёлой дубиной дёрнулся ко мне, но старик остановил его жестом.
Волки появились на краю леса.
Пять.

Нет, семь.

Они шли цепью, низко опустив головы. След привёл их прямо к поселению. Один — с тёмным пятном на морде.

Тот, которого я ударил.

Он узнал меня.

И зарычал.

Мужчины выстроились перед площадкой. Неровно. Слишком широко. Между двумя копейщиками зиял разрыв.

Волки не полезут в центр.

Они обойдут.

Я поднялся.

Молодой с дубиной сразу повернулся ко мне.

Я поднял руки. Потом показал на разрыв в линии. На волков. На край строя. Обвёл рукой сбоку.

Он не понял.

Старик насторожился.

Я медленно поднял палку, не направляя на людей, и начертил в снегу линию.

Люди.

Потом точки.

Волки.

Потом показал, как точки обходят сбоку.

Старик смотрел.

Один из волков как раз отделился и пошёл правее.

Я ткнул палкой в снег.

Потом показал на реальность.

Старик резко повернулся.

Увидел.

Крикнул.

Двое мужчин сместились, закрывая фланг.

Контакт установлен.

Не словами.

Пользой.

Волки не стали ждать.

Первый бросок пошёл справа — туда, где ещё недавно был разрыв. Копейщик встретил зверя слишком высоко. Волк ушёл под древко и вцепился ему в ногу.

Крик.

Линия дрогнула.

Я побежал.

Если это вообще можно было назвать бегом. Ноги проваливались, тело заваливалось, каждый шаг приходилось выдирать из снега.

Я бежал не к волку.

К мужчине слева, который от страха поднял копьё и открыл центр.

Я ударил палкой по его древку вниз, заставляя опустить наконечник. Он заорал на меня, но копьё оказалось там, где нужно.

Второй волк налетел прямо на него.

И сам напоролся.

Не глубоко.

Но достаточно.

Зверь завизжал, дёрнулся. Мужчина упал, но древко не выпустил. Я схватил копьё ближе к середине и всем весом надавил вниз, прижимая зверя к снегу.

— Держи!

Он не понял слова.

Но понял действие.

Молодой с дубиной подскочил и ударил волка по голове.

Раз.

Два.

Тело обмякло.

Первый волк всё ещё держал раненого за ногу. Мужчина бил его кулаком, бесполезно. Я выдернул копьё из мёртвого зверя, развернулся и ударил сбоку — в шею.

Наконечник соскользнул, но зверь отпустил.

Молодой добил его дубиной.

Остальные отступили.

Не убежали.

Оценивали.

Я стоял рядом с людьми, которые ещё минуту назад могли убить меня.

Теперь они смотрели иначе.

Не дружелюбно.

Но уже не как на добычу.

Старик коротко крикнул. Мужчины сдвинулись плотнее. Теперь линия стала уже. Спи-
нами к хижинам, лицом к лесу.

Я встал сбоку.

Не в центр.

Центр — не моё место.

Пока.

Волки кружили ещё несколько минут.

Один пытался зайти слева. Я показал. Люди среагировали.

Другой рванул к куче костей, схватил что-то и отскочил.

Старик не дал броситься за ним.

Умный.

Постепенно стая начала отходить.

Сначала один.

Потом второй.

Раненый задержался дольше всех. Смотрел на меня.

Я смотрел на него.

Он ушёл последним.

Когда лес снова стал неподвижным, напряжение не исчезло.

Оно просто сменило направление.

Теперь все смотрели на меня.

Я медленно положил копьё на снег и отступил на шаг.

Правильный сигнал.

Молодой с дубиной подошёл ближе. Лицо злое, дыхание тяжёлое. Он хотел ударить. Не потому что я враг. Потому что испугался и теперь искал, куда деть страх.

Я не опустил глаза.

Смотреть прямо.

Но без вызова.

Он сказал что-то резкое.

Я не понял.

Тогда я показал на раненого мужчину.
Кровь шла из ноги тёмная, быстрая. Не фонтаном, значит, не главная артерия. Но рана глубокая.
Нужно давить.
Я шагнул к нему.
Молодой преградил путь.
Я показал на кровь. Потом на свою руку. Потом прижал ладонь к воображаемой ране.
Жест простой.
Старик понял.
Приказал.
Молодой нехотя отступил.
Я опустился рядом с раненым. Он попытался оттолкнуть меня. Я ударил его ладонью по груди — не сильно, но жёстко.
Лежать.
Он замер от неожиданности.
Я сорвал меховую полосу с его одежды, сложил, прижал к ране и затянул другой полосой сверху. Потом просунул короткую палочку и провернул, усиливая давление.
Не жгут.
Давящая повязка.
Кровь замедлилась.
Люди смотрели молча.
Я показал женщине рядом: держать здесь. Давить.
Она нахмурилась. Ей не понравилось, что чужак учит её лечить.
Опасно.
Я сразу убрал руки и показал на неё.
Ты.
Не я.
Она задержала взгляд.
Поняла.
И сделала по-своему, но близко к правильному.
Теперь, когда адреналин начал уходить, холод вернулся с удвоенной силой.
Колени подогнулись.
Я попытался выпрямиться.
Не получилось.
Нужно было сохранить достоинство.
Не вышло.
Я упал сначала на одно колено, потом на руки.
Встать.
Я попытался.
Тело отказалось.
Вокруг заговорили. Быстро, резко. Кто-то ткнул меня ногой в бок.
Я поднял голову.
Старик стоял передо мной.
Смотрел долго.
Потом снял с плеча меховую накидку и бросил мне.
Она упала рядом, тяжёлая, пахнувшая дымом, зверем и человеком.
Тепло.
Не спасение.
Но шанс.

Я схватил мех обеими руками, завернулся и впервые за эту ночь позволил себе опустить голову.

Не закрыть глаза.

Только опустить.

Старик сказал что-то короткое.

Двое мужчин подняли меня под руки. Я не сопротивлялся.

Меня повели к ближайшей хижине.

У входа я остановился.

Внутри чужого жилища без понимания правил — опасно. Там могут быть женщины, дети, запреты, вещи, к которым нельзя прикасаться.

Один неправильный шаг — и вся только что заработанная терпимость сгорит.

Я посмотрел на старика.

Он ткнул рукой внутрь.

Разрешение.

Я вошёл.

Тепло ударило в лицо почти болезненно.

Внутри было низко, темно и дымно. В центре тлел очаг. Дым уходил вверх через отверстие, но часть висела под крышей, щипала глаза. По стенам лежали шкуры, связки веток, кости, камни, кожаные мешки.

Запах был тяжёлый: дым, жир, мех, люди, кровь, сырость.

Лучший запах в мире.

Меня усадили у стены, не слишком близко к огню.

Умно.

Если дать замёрзшему человеку жар сразу — можно добить.

Старик сел напротив.

Молодой с дубиной остался у входа.

Женщина принесла чашу. Деревянную или костяную. Внутри была тёплая жидкость. Не вода. Бульон или отвар.

Я взял чашу двумя руками.

Пальцы дрожали так сильно, что часть пролилась.

Женщина сказала что-то тихо. Не мягко. Скорее раздражённо.

Я сделал маленький глоток.

Жирный.

Солёный.

Дымный.

Жизнь.

Я не стал пить быстро. Заставил себя делать по глотку.

Медленно.

Старик наблюдал.

Я тоже наблюдал.

Глаза у него были ясные. Внимательные. Не старческая мутность — опыт.

Он ткнул пальцем себе в грудь и сказал:

— Арк.

Или так мне слышалось.

Потом ткнул пальцем в меня.

Вопрос.

Имя.

Назваться настоящим?

Бессмысленно. Моё имя ничего им не скажет. Может быть неудобным для их языка.

Нужен короткий звук.
Я коснулся груди.
— Рат.
Слово пришло само.
Короткое. Жёсткое. Удобное.
Старик повторил:
— Рат.
Я кивнул.
Так у меня появилось имя в новом мире.
Плохое.
Временное.
Но имя.
А значит, я перестал быть просто зверем из снега.
Старик указал на дверь, потом изобразил вой. Потом на меня.
Вопрос понятен.
Ты привёл их?
Я не стал лгать жестами. Ложь без языка — плохая идея.
Я показал на себя.
Потом на лес.
Потом на волков.
Потом на поселение.
Затем ударил себя кулаком в грудь и показал, как держал копьё.
Да. Они шли за мной.
Но я сражался с вами.
Старик долго молчал.
Потом кивнул.
Не простил.
Принял к сведению.
Для начала достаточно.
В хижину внесли раненого. Женщина развязала повязку, добавила к ране что-то вроде мха или сухой травы, снова туго обмотала кожей.
Неплохо.
Значит, опыт есть.
Раненый может выжить.
Если не начнётся заражение.
В этом мире любая царапина может стать приговором.
Старик поднялся, подошёл ко мне и протянул кусок сушёного мяса.
Не подарок.
Вложение.
Я взял мясо, коснулся груди.
— Рат.
Потом указал на него.
— Арк.
Старик чуть прищурился.
Кивнул.
Первое слово закреплено.
Я откусил маленький кусок. Мясо было жёстким, солёным, почти каменным. Желудок сжался от голода, но я ел медленно.
После холода и истощения торопиться нельзя.

Молодой у входа смотрел на мясо в моей руке так, будто это был кусок его личной власти.
Запомнить.
Он будет проблемой.
Но не сейчас.
Сейчас главная задача выполнена.
Я вышел из ночи.
Не красиво.
Не победителем.
Но живым.
У меня был огонь.
Мех.
Имя.
И первый долг перед людьми, которые могли стать спасением.
Или угрозой хуже стаи.
Снаружи снова протянулся вой.
Далёкий.
Но не уходящий.
В хижине все замерли.
Я поднял голову.
Стая не ушла.
Она ждала.
И, возможно, не только она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.